

УДК 343.9

DOI 10.34076/2658_512X_2021_3_11

Артеменко Н. А.

Кандидат юридических наук, доцент

Artemenko N. A.

Candidate of Juridical Sciences, Assistant Professor

Корецкий Д.А.

Доктор юридических наук, профессор

Заслуженный юрист России

Koretsky D. A.

Doctor of Law, Professor

Honored Lawyer of Russia

**Развитие «антиоружейного» законодательства и его эффективность
The development of “anti-weapons” legislation and its effectiveness**

Для цитирования: Артеменко Н. А., Корецкий Д. А. Развитие «антиоружейного» законодательства и его эффективность // Уральский журнал правовых исследований. 2021. №. С. 11–17. DOI 10.34076/2658_512X_2021_3_11.

For citation: N. A. Artemenko, D. A. Koretsky ‘The development of “anti-weapons” legislation and its effectiveness’, Ural Journal of Legal Research, 2021, No. pp. 11–17. DOI 10.34076/2658_512X_2021_3_11.

Аннотация: В отличие от Соединенных Штатов Америки, где, как правило, почти везде гражданам разрешено хранение и ношение огнестрельного оружия, в Российской Федерации оборот огнестрельного оружия ограничен. Однако, проблемы, связанные с массовыми расстрелами в образовательных учреждениях, присутствуют в обеих странах.

Труд автора посвящен анализу процесса развития «антиоружейного» законодательства, а также его эффективности. В ходе исследования ранее действовавшего в СССР и в Российской Федерации законодательства об обороте оружия автор раскрывает его внутренние противоречия. В частности, отмечаются пробелы в правовом регулировании ношения и применения оружия гражданами, ведущими крестьянское (фермерское) хозяйство, которым было разрешено приобретать огнестрельное оружие, но не было официально разрешено приобретать боеприпасы. Также указывается на противоречие между преамбулой Федерального закона от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» и содержанием указанного федерального закона. Выделяются несколько разновидностей оборота оружия в Российской Федерации: законный оборот, оборот наказуемый законодательством об административных правонарушениях и криминальный оборот.

Также автором подвергаются критике меры, принимаемые законодателем, направленные на ограничение законного оборота оружия в связи с участившимися случаями его применения в ходе совершения убийств. Так, указывается на то, что законодатель борется не с причиной применения огнестрельного оружия (человеком, который решил совершить преступление путем использования оружия), а с самим орудием совершения преступлений, что является недопустимым в контексте теории предупреждения и профилактики преступности. Поэтому, автор считает, что «закручивание гаек» в правовом регулировании законного оборота оружия является неэффективной мерой по предупреждению и профилактике преступности. Приводятся статистические данные, связанные с совершением преступлений с применением огнестрельного

оружия. Критике также подвергаются изменения в уголовное законодательство, внесенные Федеральным законом от 01.07.2021 № 281-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Автор приходит к выводу о том, что ужесточение уголовной ответственности за незаконный оборот огнестрельного оружия и ужесточение законодательства, регулирующего его оборот, является недостаточной мерой по предупреждению преступлений, связанных с массовыми расстрелами в учебных заведениях. В связи с этим, автор предлагает осуществлять профилактическую работу в молодежной среде.

Ключевые слова: оборот оружия, стрельба, огнестрельное оружие, уголовное законодательство, ужесточение законодательства

Abstract: Unlike the United States of America, where, as a rule, almost everywhere citizens are allowed to keep and carry firearms, the turnover of firearms in the Russian Federation is limited. However, problems associated with mass shootings in educational institutions are present in both countries.

The work of author is devoted to the analysis of the development of “anti-weapon” legislation, as well as its effectiveness. In the course of researching the legislation on the circulation of weapons previously in force in the USSR and the Russian Federation, author reveals its internal contradictions. In particular, there are gaps in the legal regulation of the carrying and use of weapons by citizens running a peasant (farm) economy, who were allowed to acquire firearms, but were not officially allowed to acquire ammunition. It also points to a contradiction between the preamble of the Federal Law of 13.12.1996 No. 150-FZ “On Weapons” and the content of the said federal law. There are several types of weapons turnover in the Russian Federation: legal turnover, turnover punishable by the legislation on administrative offenses and criminal turnover.

Author also criticized the measures taken by the legislator aimed at limiting the legal circulation of weapons in connection with the increased incidence of their use in the course of committing murders. Thus, it is indicated that the legislator is fighting not with the reason for the use of firearms (by a person who decided to commit a crime by using a weapon), but with the very instrument of committing crimes, which is unacceptable in the context of the theory of crime prevention and prevention. Therefore, author believes that “tightening the screws” in the legal regulation of the legal circulation of weapons is an ineffective measure to prevent and prevent crime. Provides statistical data related to the commission of crimes with the use of firearms. The amendments to the criminal legislation introduced by the Federal Law of 01.07.2021 No. 281-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” are also criticized.

Author comes to the conclusion that the tightening of criminal liability for illegal trafficking in firearms and the tightening of legislation regulating their circulation is an insufficient measure to prevent crimes associated with mass shootings in educational institutions. In this regard, Danil Arkadievich proposes to carry out preventive work in the youth environment.

Keywords: arms trafficking, shooting, firearms, criminal legislation, tightening of legislation

Поскольку в СССР оружие в нелегальном обороте практически отсутствовало, то и вооруженной преступности фактически не существовало, за исключением единичных случаев использования в преступных целях обрезов охотничьих ружей и кустарно изготовленных пистолетов, револьверов и даже автоматов и гранат (Ростовское дело банды Толстопятовых – «Фантомасов»). Соответственно, отсутствовало и законодательство об обороте оружия, который регламентировался приказами и инструкциями МВД, устанавливающими практически запретительный режим в этой сфере.

Признание международных стандартов в обеспечении прав и свобод человека, выдвижение на первое место в системе охраняемых ценностей жизни, здоровья, чести и достоинства личности не могло не сказаться на изменении подходов к обороту оружия. Здесь наметились некоторые послабления, которые к тому же вводились уже не ведомственными инструкциями, а законами и указами Президента.

11 марта 1992 года принят Закон Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», разрешивший частным детективам использовать специальные средства, а частным охранникам - спецсредства и оружие. 8 ноября 1992 года Президент России принял Указ «О разрешении приобретения, хранения и использования гладкоствольного охотничьего оружия гражданам, ведущим крестьянское (фермерское) хозяйство». Этот нормативный акт впервые разрешил использовать ружья не для целей охоты, а для защиты личной и имущественной безопасности. Но распространялось это право только на фермеров, к тому же, приобретать ружья им было разрешено, а боеприпасы – нет.

Для всех остальных граждан легальным средством самообороны стало газовое оружие, так как в тот же день Президент принял Указ «О специальных средствах самообороны, снаряженных веществами слезоточивого и раздражающего действия».

20 мая 1993 года принят Закон РФ «Об оружии», а 13 ноября 1996 года новый Закон РФ «Об оружии».

Однако, анализ перечисленных нормативных актов, так же, как и принятых на их основе постановлений правительства и приказов МВД, показывает, что они не способствуют усилению защиты жизни и здоровья граждан путем контркриминального применения законно хранимого оружия, изъятия из оборота незаконно хранимого и криминального оружия и максимального затруднения его использования в преступных целях.

Так, например, вопреки системе приоритетов, установленных Конституцией России и в нарушение основных принципов достаточно разработанной теорией уголовного права института необходимой обороны, частным охранникам было разрешено применять оружие для защиты собственности, но запрещено – в целях защиты личности!

Второй Закон «Об оружии» по сравнению с первым сузил право граждан на самооборону, запретив ношение для этих целей огнестрельного длинноствольного и холодного оружия и фактически оставив на “вооружении” граждан только газовые пистолеты и аэрозольные упаковки, которые малоэффективны и не позволяют отразить серьезное нападение. С появлением в обороте травматического оружия, получившего не совсем верное название «огнестрельное оружие ограниченного поражения», оно существенно потеснило газовое оружие, число единиц которого заметно уменьшилось.

Однако, несомненно, с этих законов началось формирование «оружейного» законодательства России, что само по себе является положительным фактом. К сожалению, его изучение привело к выводу, что оно по-прежнему носило запретительный характер, хотя провозглашалось в нем обратное. Так, в преамбуле закона «Об оружии» говорится, что он «направлен на защиту жизни и здоровья граждан, собственности, обеспечение общественной безопасности, охрану природы и природных ресурсов, обеспечение развития связанных с использованием спортивного оружия видов спорта, укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступностью и незаконным распространением оружия...».

Однако, только одна статья - двадцать четвертая, посвящена применению оружия гражданами Российской Федерации, точнее, она носит такое название, и в первой части допускает применение гражданами законно хранимого оружия в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, то есть не добавляет ничего нового к перечисленным уголовно-

правовым институтам. Однако остальные пять частей начинаются со слова «запрещается» и одна носит отсылочный характер, не связанный с применением оружия!

Из содержания других статей вытекает парадоксальный вывод: целью закона «Об оружии» является не то, что перечислено в его преамбуле, а обеспечение сохранности оружия и осуществление контроля за его производством, продажей, приобретением, регистрацией, хранением, перевозкой и т. п.!

Впоследствии, ограничивающе-запретительные тенденции в данной сфере усилились, закон «Об оружии» претерпевал бесконечные изменения, в связи с чем «оружейное» законодательство можно, скорее, называть «антиоружейным». Объясняется это тем, что оружие рассматривается, как потенциально опасный предмет, а его оборот – как криминогенное явление. При этом не учитывается, что оборот оружия имеет несколько разновидностей.

Законный оборот – это изготовление, сбыт, передача, приобретение, хранение, ношение, перевозка, ремонт, применение, уничтожение оружия, производимое на основании законов, постановлений правительства и нормативных документов военизированных ведомств под контролем лицензионно-разрешительной системы Росгвардии или ведомственным контролем военизированных организаций. Законный (легальный) оборот оружия является отправной точкой, с которой должно начинаться изучение незаконного.

В литературе высказывалось мнение, что в широком смысле незаконный оборот представляет собой более емкое криминологическое понятие, выходящее за рамки формально юридического, элементы которого определяются Уголовным кодексом РФ [1, с. 11].

Изготовление, продажа, приобретение, хранение, ношение оружия и т.п., осуществляемые с нарушением законов, правил и инструкций, образуют незаконный оборот оружия, который, вопреки устоявшемуся мнению, с правовых позиций является не однородным, а подразделяется на два вида.

Первый связан с совершением административных правонарушений либо иными нарушениями административных предписаний (нарушения правил производства, продажи, коллекционирования, экспонирования, учета, хранения, ношения или уничтожения оружия и патронов к нему (ст. 20.8 Кодекса РФ об административных правонарушениях); и другие действия, не влекущие уголовной ответственности.

Второй вид незаконного оборота – криминальный, он включает в себя действия, нарушающие уголовно-правовые запреты и влекущие уголовную ответственность. В структуру криминального оборота входят любые действия с боевым либо криминальным (самодельным, атипичным, замаскированным) оружием, совершаемые неуполномоченными на то лицами и образующие состав преступлений [2, с. 88–95].

Следует отметить, что оружие из законного оборота используется в преступлениях крайне редко – в 1-2% случаев. В 98-99% используется именно оружие, находящееся в криминальном обороте и вообще запрещенное к гражданскому обороту (обрезы, автоматы, пистолеты и револьверы, взрывные устройства и даже гранатометы).

Между тем, после каждого резонансного вооруженного преступления, в обществе поднимается волна активности, направленной на ужесточение именно законного оборота! В основе таких подходов лежит, с одной стороны, юридическая и, в частности, криминологическая некомпетентность их инициаторов, а с другой – демагогический прагматизм, ибо запретить или ограничить что-либо законопослушным владельцам легального оружия гораздо проще, чем установить контроль за утечками автоматов и гранат из военизированных структур, изъять боевое оружие у оргпреступных группировок, оздоровить обстановку в обществе: покончить с коррупцией, усилить государственную дисциплину, коренным образом перестроить работу правоохранительных органов, повысив ее эффективность...

Но поспешно принимаемые законы направлены на «ложную мишень» – легально хранимое оружие. При этом упускается из виду криминологическая аксиома: предупредительно-профилактическая работа должна быть направлена на причины и условия преступности, а не на орудия, средства или предметы преступлений! Ведь совершенно очевидно, что убивает не ружьё – убивает человек. И подавляющее большинство убийств совершается вовсе не оружием, а предметами хозяйственно-бытового обихода: кухонными ножами, молотками, ножницами. Известны случаи, когда орудием преступления становились совершенно неожиданные предметы: икона, палка сухой колбасы, замороженная тушка гуся...

Какой же смысл «закручивать гайки» в законном обороте?! Правда, в последнее время, к сожалению, участились случаи массовых расстрелов в учебных заведениях, при которых использовалось легально хранимое огнестрельное оружие. Так, 17 октября 2018 года 18-летний студент Керченского политехнического колледжа Р. расстрелял соучеников, в результате 20 человек убито, пострадали 67; в Нижегородской области 12 октября 2020 г. 18-ти летний М. застрелил четверых, и ранил двоих родственников и посторонних лиц, 11 мая 2021 года 19-летний Г. открыл огонь в казанской гимназии №175 в результате погибли 9, пострадали 22 человека; 20 сентября 2021 года 18 – летний Б. расстрелял студентов Пермского госуниверситета, погибли 6 и пострадали 47 человек.

Несмотря на тяжкие последствия, это единичные случаи, которые не меняют статистической картины. Тем более, что за последние семь лет в школах и иных учебных заведениях совершены десятки нападений с применением не только огнестрельного, но и пневматического оружия, взрывчатых веществ, ножей, молотков, которые не вызвали широкого общественного резонанса, хотя свидетельствуют о крайнем неблагополучии в рассматриваемой сфере. Причины и условия их не выявляются, а нередко и наоборот – затушевываются. Известность приобретают только дела, связанные с огнестрельным оружием и большим количеством жертв, при этом корень зла видят в самом оружии, упущениях в работе врачей-психиатров и т.д.

Так, на фоне «резонансных» вооруженных преступлений и необоснованных, не вытекающих из статистики, утверждений о повышенной криминогенности огнестрельного оружия ограниченного поражения (ОООП), был принят ряд противоречивых дополнений в Закон РФ «Об оружии», которые, якобы, обеспечат профилактику вооруженной преступности.

В их числе: возраст приобретения нелегального ОООП был повышен с 18 до 21 года, при этом возраст для приобретения куда более опасных, смертоносных охотничьих ружей оставлен прежним – 18 лет и мог быть снижен при определенных условиях на 2 года (ст. 13 ч. 1). Массовые расстрелы каждый раз влекли предложения о поднятии возраста приобретения и охотничьего оружия, но они отклонялись. Наконец, после Пермской трагедии, такое изменение в закон все же внесено, и возрастная планка повышена до 21 года (вступает в силу с 29.06.2022 г). Но этот порог не обоснован ни анализом статистики, ни мнением специалистов. Между тем, по данным криминологических исследований, вооруженные преступления совершаются, в основном, следующими возрастными группами: 22-28 лет (50% одиночных и 33% групповых преступлений); 29-39 лет (25,7% одиночных и 26 % групповых). В имеющейся выборке лица старше 45 лет не присутствуют [3, с. 33]. Но вряд ли кому-нибудь придет в голову предложить поднять возраст приобретения оружия до 45 лет! Очевидно, что если идти по этому пути, то дойдешь до абсурда. Получается, что препятствия создают одним людям, а преступления совершают другие - это видимость решения проблемы, при которой подлинные причины прячутся в тени, а законодательные новеллы никакого результата не приносят.

Кроме того, после каждого массового расстрела поднимается вопрос об ужесточении психиатрического освидетельствования кандидата, оформляющего лицензию на приобретение оружия. Виновными при этом объявляют врачей, выдавших соответствующие справки,

и не разглядевшим психологических дефектов личности. Но, при отсутствии тяжелых психических расстройств, их и невозможно разглядеть! Даже длительные стационарные экспертизы в институте Сербского не позволяют «влезть в голову исследуемого»: маньяки, убившие десятки людей – Чикатило, Пичушкин и другие, признавались вменяемыми, и вполне могли бы получить разрешение на приобретение оружия!

Вместе с тем, важнейшие вопросы, касающиеся механизма преступного поведения, то есть взаимодействия свойств личности преступника и конкретной криминологической ситуации, практически не исследуются, не анализируются, и меры по нейтрализации причин и условий не принимаются. Ведь сам по себе факт приобретения оружия в установленном законом порядке, и сопутствующие ему правопредоставляющие действия соответствующих должностных лиц, сами по себе криминогенного значения не имеют, хотя и предшествуют преступлению! Но старинная мудрость римского права «После этого, не значит – вследствие этого», похоже, неизвестна тем, кто в поисках «стрелочников» требует наказания врачей, выдавших справки или сотрудников лицензионно-разрешительной системы, оформивших оружейные лицензии!

Между тем, без внимания остается то, что убийцы заранее высказывали свои намерения в социальных сетях (и виноваты в этом отнюдь не социальные сети), и в ближайшем окружении, что прошло мимо внимания тех субъектов оперативно-розыскной деятельности, которые должны отслеживать и предотвращать подготовку к преступлениям! В казанском и пермском случаях преступники беспрепятственно пронесли по улицам незачехленное оружие, вдобавок пермский убийца шел в каске и тактическом комбинезоне. Несмотря на неоднократные повторения и типовые «сценарии» массовых убийств, сторожевые службы учебных заведений ни разу не оправдали своего существования и тех затруднений, которые они создают для прохода, например, родителям учащихся. Более того, администрация каждый раз пытается превратить поражение в победу, и даже оправдать действия явно неадекватного преподавателя, который в условиях массовых убийств продолжал читать лекцию, убежденный, что никакой опасности для учащихся нет!

Какие же уроки извлечены из четырех массовых расстрелов, совершенных за три последних года? После каждого в качестве «профилактических» мер внесен ряд ограничений на приобретение оружия, в зависимости от его тактико-технических характеристик, не фигурировавших в ранее совершенных аналогичных преступлениях, и не играющих в них определяющей роли. Так, Федеральным законом от 28.06.2021 г. № 231-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (вступающем в силу с 29.06.2022 г, за исключением некоторых положений), повышен возрастной порог приобретения гражданских ружей, внесены новелы по которым гражданам, получившим лицензию на приобретение гражданского огнестрельного оружия, до истечения двух лет владения таким оружием не разрешается приобретать ружья, имеющие более двух стволов или магазин (барабан), ограничены права новых категорий лиц, привлекаемых ранее к административной ответственности.

Кроме того, 1 июля 2021 года принят очередной «антиоружейный» закон № 281 – ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», который в очередной раз «закрутил гайки» в обороте оружия, причем это «закручивание» никак не вытекает из практики массовых расстрелов и направлено на избыточную детализацию криминальных действий с оружием. Это только усложняет структуру уголовно-правовых норм и является излишним, ибо рамки ответственности могут успешно регулироваться относительно-определенными санкциями родового состава, а не

перечислением всех возможных вариантов объективной стороны преступления с сопутствующим перечислением санкций за каждый из них, особенно, когда эти санкции совпадают (например, санкции по ч. 4 и ч. 5 ст. 222² УК РФ являются идентичными).

Вообще, дополнившая УК РФ новая статья 222² УК РФ «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему», ничего, кроме недоумения не вызывает. Как разъясняет ч. 2 примечаний к данной статье «...под крупнокалиберным огнестрельным оружием понимается огнестрельное оружие (за исключением гражданского... и служебного) калибра от 20 мм и более». Но дело в том, что самым крупным калибром стрелкового оружия, состоящего на вооружении, является 14,5 мм¹ (станковый пулемет «Утес»). Калибр свыше 20 мм относится уже не к стрелковому оружию, а к артиллерии.² Вполне очевидно, что ни служебной, ни гражданской артиллерии нет и быть не может. Да и преступления с использованием артиллерийских систем совершаются, мягко говоря, нечасто. Какой смысл имеет введение новой статьи 222² УК РФ, совершенно непонятно.

Причины массовых расстрелов в учебных заведениях, равно, как и других насильственных преступлений вовсе не в оружии. Причины преступности носят социальный характер, и искать их нужно в повышении в обществе градуса раздражительности, агрессивности, конфликтности, разочарования жизнью. В том, что насилие стало подаваться в качестве нормы, а сила и страх перед ней окружающих – в качестве добродетелей. Молодые особенно это чувствуют, отсюда и буллинг, и выставленные в инете сцены насилия, и шутинг. Хотя за красивыми иностранными словечками кроется очень серьезное социальное явление, которое подлежит пристальному и внимательному изучению. И «антиоружейным» законодательством его не исправить.

Библиографический список

1. Власов В. П. Криминологическая характеристика и предупреждение незаконного оборота оружия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2001. 172 с.
2. Корецкий Д. А., Солоницкая Э. В. Оружие и его незаконный оборот: криминологическая характеристика и предупреждение. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 255 с.
3. Корецкий Д. А., Землянухина Л. М. Личность вооружённого преступника и предупреждение вооружённых преступлений. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 189 с.

References

1. Vlasov V. P. Criminological characteristics and prevention of illegal arms trafficking: dis. ... cand. jurid. sciences': 12.00.08. M., 2001. 172 p.
2. Koretsky D. A., Solonitskaya E. V. Weapons and their illicit trafficking: criminological characteristics and prevention. St. Petersburg: R. Aslanov Publishing House "Law Center Press", 2006. 255 p.
3. Koretsky D. A., Zemlyanukhina L. M. The identity of an armed criminal and the prevention of armed crimes. St. Petersburg: Law Center Press, 2003. 189 p.

1 Стрелковое оружие, Минск, 1998 г., с.11.

2 См., например: «Калибр» – Википедия.